

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

О.А. УСАЧЁВА

Сети гражданской мобилизации*

Активная самоорганизация граждан России в 2010–2011 гг., возникшая как реакция на экологические риски, выявила возросший потенциал гражданских сетей. В статье рассматриваются два типа сетевой гражданской мобилизации – организационный и индивидуальный, скорость и эффективность которых во многом зависят от использования информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: гражданские сети, информационно-коммуникационные технологии, некоммерческие организации, мобилизация, социальный капитал, структура политических возможностей, сетевые ресурсы.

Active self-organization of individuals Russia in 2010–2011's, aroused as a reaction on eco-risks and cataclysms, brought to light increasing civil networks potential. The article considers two types of network civil mobilization: organizational and individual, which tempo and effectiveness depend to a large extent upon usage of modern informational and communicational technologies.

Keywords: civil networks, information and communication technologies, nongovernmental organizations, mobilization, social capital, ecological catastrophes, political opportunity structure, network resources.

Сетевая мобилизация граждан: общие принципы

Термин “сети гражданской мобилизации” (СГМ) обычно относят к информационным сетям, создаваемым самими их пользователями с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для информирования общества и мобилизации его ресурсов в критической ситуации (социальный конфликт, техногенная или экологическая катастрофа и т.п.). Основные функции таких сетей – координация деятельности гражданских сил, формирование и поддержание чувства коллективной идентичности и, наконец, снижение зависимости общества от государства и официальных СМИ. Впрочем, опыт западных стран, чья социальная система постепенно трансформируется в сеть, показывает, что СГМ могут вступать во взаимодействие и с государственными структурами.

С момента своего возникновения в 1970-х гг. концепция социальных сетей активно используется для изучения общественных движений. Главный интерес исследователей направлен на выявление связей между отдельными – индивидуальными и коллективными – акторами и их влияние на общую структуру движений и политическую си-

* Статья выполнена в рамках проекта “Экокатастрофы: теория и практика комплексной реабилитации региональных нарушенных социобиотехнических систем” (грант Российского гуманитарного научного фонда № 11-03-0026а, руководитель – О. Яницкий).

туацию в обществе [Яницкий, 2009; Castells, 2000; Social... 2003; Olesen, 2005; Roese, 2007]. Гражданские сети определяются как “относительно стабильные и длительные взаимоотношения, позволяющие мобилизовать и свести воедино рассеянные ресурсы с тем, чтобы организовать коллективные (или параллельные) действия, направленные на достижение общей цели” [Marin, Mayntz, 1991, p. 36]. Организационно их следует понимать как систему связей и взаимного членства между гражданскими организациями и отдельными индивидами, действующими в пользу коллективных и общественных интересов [Baldassarri, Diani, 2007]. У подобных сетей несколько основных характеристик: независимость членов, множественность лидеров и их микроинститутов (в форме сетевых узлов), наличие объединяющей цели, добровольность связей и множественность уровней взаимодействия [Градосельская, 2004; Чучкевич, 1999]. Сама сеть рассматривается не только как структура, но и как источник основного ресурса гражданского общества – социального капитала. Суть сетевых отношений – взаимное доверие и ответственность.

По мнению П. Бурдье, социальная сеть конструируется через институализацию групповых взаимодействий, которые используются в качестве источника других ресурсов. Структурную основу социального капитала формируют сети социальных связей, создаваемых для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения и поддержки и т.д. (см. [Бурдье, 2005]). Нарращивание социального капитала в каком-то смысле снижает ценность капитала экономического в те периоды, когда люди не имеют других ресурсов (экономических, правовых и др.), и он становится мощным стимулом для коллективного действия. Так, именно благодаря межличностным связям, “в 1970–1980-х гг. в СССР были созданы огромные запасы социального капитала, иначе бы миллионы людей не вышли на улицы... Выживание людей в этот период (и материально, и духовно) во многом обеспечивалось взаимным доверием и неформальными общностями. Нарботанный социальный капитал стал топливом революционных событий 1989–1991 гг.” [Аузан, 2005, с. 18].

Принято считать, что связи между различными секторами гражданского общества могут принимать иерархическую (формальную), централизованную, или более горизонтальную (неформальную), полицентрическую форму. На микроуровне выделяются две формы взаимозависимости между социальными акторами – асимметричная и сбалансированная. Асимметричная предполагает однонаправленные связи, когда, например, одна организация играет центровую роль при объединении других. Под сбалансированными отношениями понимается взаимообмен и взаимовлияние без доминирующей роли какого-то одного актора [Baldassarri, Diani, 2007; Bison, Diani, 2004]. Опираясь данными понятиями, можно определить мобилизационный потенциал, сетевую прочность и природу взаимозависимости между различными организациями гражданского общества.

Иерархичная структура характеризуется наличием одного или нескольких центральных акторов, связанных с множеством периферийных, изолированных друг от друга. Установки и поведение центральных акторов (лидеров) внутри подобной структуры могут сильно влиять на результат коллективных усилий, повышая возможность масштабной мобилизации. Но данная структура сетей подвержена влиянию извне: если удалить из них центральных акторов, целостность сети разрушится. В полицентрической структуре, наоборот, наблюдается множество кластеров – взаимосвязанных центров, между которыми происходит интенсивный обмен, но мобилизация малого числа акторов не обязательно инициирует масштабные коллективные действия. Эффективность мобилизации зависит от того, насколько сильно согласие между его участниками.

Интеграция на микроуровне стимулируется сильными, а на макроуровне – слабыми связями. Сильные связи составляют основу солидарности и доверия внутри основной группы, дают ощущение защищенности в ситуации быстрых изменений и неопределенности, а слабые складываются между группами, способствуя циркуляции информации и ресурсов (см. [Granovetter, 1973]). Аналогично выделяют два типа от-

ношений между гражданскими акторами: транзакции и общественные соглашения, которые служат для достижения разных целей. Первые – это *слабые связи* в форме альянсов, включающие преимущественно обмен информацией и ресурсами, необходимыми для достижения некоторой, возможно временной, коллективной цели, тогда как вторые – *сильные связи*, основываются на коллективной идентичности. Они отличаются более капитальными причинами, например созданием общего ресурсного фонда или наличием общих лидеров. В гражданских сетях нельзя вычленить только один из названных типов отношений: как правило, они переплетаются между собой, тем самым укрепляя структуру связей и делая ее более эффективной. При этом эффективность связей между гражданскими организациями или сообществами зависит не только от формальных связей, но и от личных контактов лидеров. От этого зависит поддержание взаимного доверия и усиление социального контроля. Связи в сообществе лидеров сильнее, чем инструментальные профессионально-деловые [Яницкий, 2002; 2011].

Роль ИКТ в процессах гражданской мобилизации

Последние два десятилетия сначала западные, а позже и российские исследователи ведут оживленные дискуссии о влиянии ИКТ на структурно-функциональную организацию общества (см., например, ([Гладарев, 2005; Говард, 2006; Иванов, 2000; Wellman, Salaff, 1996; Castells, 2000; 2007])). Но все сходится на том, что Интернет постепенно становится той публичной площадкой, где происходят рекрутинг и объединение активистов, взаимное информирование, координация деятельности и поиск ресурсов. Ныне, когда ИКТ прочно укоренились в жизни общества, сложно представить массовую гражданскую мобилизацию, осуществляемую исключительно традиционными способами [Усачёва, 2008; Van de Donk... 2004; Olesen, 2005; Usacheva, 2008].

ИКТ влияют на структуру общественных движений и отдельных гражданских сообществ, делая ее более “горизонтальной” и избавляя от посредников. Зачастую формируются отдельные группы вокруг одного или нескольких лидеров, координирующих их действия с лидерами других групп для достижения общей цели, создавая *полицентрическую горизонтальную сеть*. Иначе говоря, ИКТ могут быть эффективно использованы для создания и поддержания сильных и централизованных организаций. Однако исследования показывают, что они также представляют собой эффективный инструмент установления и действия децентрализованных сетей, позволяющих включенным в них открыто выражать свои взгляды и, если необходимо, организовать виртуальную или физическую коммуникацию активистов и мобилизовать необходимые ресурсы. Таким образом, иерархическая форма коммуникации имеет больший потенциал для масштабной мобилизации, но она менее крепка, чем полицентрическая сеть, и не стимулирует возникновение горизонтальной солидарности и общего обмена [Baldassarri, Diani, 2007]. Виртуальные гражданские сети всегда имеют выход в реальность, где в случае мобилизации они трансформируются из горизонтальной в иерархическую для достижения быстрого результата. И наоборот, когда пресс реальность слишком велик, активность перемещается в виртуальную сферу [Мардарь, 2008].

Новые общественные движения, такие как экологическое, женское, пацифистское и другие, используют возможности ИКТ, потому что они соответствуют их идеологическим и организационным требованиям. Интернет также широко применяется для успешной координации действий дружественных гражданских организаций на международном уровне, например для решения глобальных экологических проблем. Крупные организации, такие как Greenpeace или Друзья Природы, часто используют ИКТ для повышения эффективности своих действий на публичной арене. Создаются специализированные наднациональные структуры, поддерживающие потоки коммуникации, например Институт глобальной коммуникации (Institute for Global Communication) и сеть Индимедия (Indymedia), а также различные тематические сети (WomesNet, EcoNet, PeaceNet, LaborNet, ConflictNet).

Иллюстрацией массового интернет-протеста может служить кампания швейцарского отделения Greenpeace против корпорации “Нестле”, использующей в производстве шоколада пальмовое масло, добываемое за счет вырубки тропических лесов. Интернет-кампания была поддержана более чем в 20 странах. Часть ее проводилась в социальной сети Facebook. Тогда более чем 1,5 млн человек посмотрели видео, подготовленное “Greenpeace”, и 300 тыс. отправили электронные письма протеста “Нестле”. В результате корпорации пришлось пойти на изменения системы производства. Подобные кампании проходили в российском интернет-пространстве в связи со сбором подписей для восстановления лесной охраны, в защиту озера Байкал и т.д., но, к сожалению, не все из них были столь эффективными.

В целом можно сделать вывод, что использование ИКТ влияет на структуру гражданских сетей, ускоряет коммуникацию между их членами, вовлекая в нее большее количество людей, расширяет охват территории, облегчает традиционные формы протеста, например сбор подписей, и процесс координации действий сформированных внутри сети сообществ, и т.д. Но полностью виртуальная коммуникация не может заменить реальной активности.

Гражданская мобилизация в России: два типа

В нашей стране показателями возросшего мобилизационного потенциала гражданских сетей стали, во-первых, активная самоорганизация граждан летом 2010 г. для борьбы с лесными пожарами и оказания помощи погорельцам. Во-вторых, мобилизация десятков НКО и сочувствующих граждан по всей стране и за ее пределами в течение 2010–2011 гг. для защиты озера Байкал от рисков, наносимых ему работой Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК). Упомянутые события прежде всего свидетельствуют о том, что мобилизация гражданского общества оказывается более массовой, быстрой и эффективной, если вопрос касается экологических рисков или катастроф, чем его мобилизация “сверху” [Яницкий, 2010]. Кроме того, они дают возможность выделить два типа активации гражданского общества: *организационную* (мобилизация НКО вокруг повторного открытия БЦБК) и *индивидуальную* (мобилизация граждан в связи с лесными пожарами).

Оба указанные типа оказались массовыми и эффективными именно благодаря использованию ИКТ. В первом случае в защиту Байкала выступило Байкальское движение, участниками которого были активисты “Байкальской экологической волны” и других НКО, а также отдельные граждане, в том числе известные писатели, журналисты, ученые, музыканты и т.д. Новую волну мобилизации в защиту озера поддержала часть местного населения, в первую очередь интеллигенция, оппозиционные политические партии, научное сообщество (Сибирское отделение РАН), а также многие общественные организации Иркутской области, Бурятии и других регионов, и наконец, международные организации – Greenpeace и WWF. Сторону защитников Байкала приняли и иркутские профсоюзы, к которым присоединились некоторые местные депутаты и туристические компании региона. Функционирование БЦБК практически закрывает перспективы развития туризма, продажи питьевой воды и другие виды экологической деятельности, которые позволили бы развивать экономику Прибайкалья.

В течение 2010 г. движение в защиту Байкала организовало широкую протестную кампанию. Были инициированы сбор подписей под письмами Президенту РФ и ген-директору ЮНЕСКО (в чей список объектов “Всемирного природного и культурного наследия” внесен Байкал), организация массовых митингов по всей стране, образование коалиции “За Байкал!”, включающей около 50 НКО, объединение общественных движений в защиту Утришского заповедника и Химкинского леса. В Интернете прошли дискуссии о возможных проектах развития Байкальска после закрытия БЦБК. На сайте Greenpeace письмо Президенту РФ подписали почти 150 организаций; заявление общественных организаций “Руки прочь от защитников Байкала!”, направленное

генпрокурору РФ, подписали около 200 неправительственных организаций; на иркутском ресурсе Бабр.ру за закрытие предприятия проголосовали около 30 тыс. человек; на сайт президента РФ поступили тысячи обращений от граждан; 96% опрошенных на сайте Росприроднадзора выступили против открытия комбината. Использование виртуальных площадок, организованных НКО, значительно повысило информированность населения о существующей проблеме и позволило многим людям поучаствовать в кампании в защиту Байкала.

Второй тип мобилизации – *индивидуальный*, наиболее ярко показывает потенциал межличностных сетей, зародившихся в Интернете. Подобные сети являются “важнейшим структурным элементом функциональной организации гражданского общества” [Яницкий, 2002, с. 257]. Кооперация усилий отдельных членов сети повышают их индивидуальные возможности, облегчают доступ к необходимым ресурсам и являются инструментом отбора наиболее эффективных социальных технологий, а также создают условия для формирования новых идентичностей и чувства солидарности.

Как известно, летом 2010 г. лесные пожары частично или полностью уничтожили около 150 населенных пунктов на территории 22 регионов РФ. Погибли более 50 человек, был нанесен серьезный урон не менее чем 60 федеральным заповедникам и национальным паркам [Заключение... 2010]. Для тушения пожаров, оказания помощи погорельцам, а позже и для разбора завалов примерно с середины лета началось сплочение граждан “снизу”. Люди объединялись в виртуальные сообщества, обсуждая ситуацию в эпицентрах катастрофы, возможные варианты помощи пострадавшим, создание групп экстренного реагирования, а потом переносили свои виртуальные контакты в реальность, создавая группы для быстрой и адресной реализации обсужденных в сети планов. Чаще всего такие группы создавались вокруг какого-то одного человека, в данном случае оказывающегося в роли лидера, например владельца персонального блога, или модератора форума на местном сайте. Позже стали возникать и более разветвленные сети, внутри которых происходил рекрутинг добровольцев, поиск и сбор ресурсов, распространение информации и координация действий. Как и в случае с защитой Байкала, главным инструментом мобилизации были ИКТ. В Интернете проходила координация деятельности добровольцев, информирование населения, мониторинг ситуации, постоянно обновлялись карты пожаров на сайтах мониторинговых агентств, собирались подписи под петициями, требовавшими восстановления лесной охраны.

Летние пожары 2010 г. “вызвали беспрецедентную для современной России волну гражданской активности... Со столь массовой, независимой от государства, добровольной, благотворительной, гуманитарной деятельностью граждан Россия еще не сталкивалась” [Аверкиев, Бедерсон, Першакова, 2010]. В нее включились не только “закоренелые общественники”, но и те, кто обычно чураются коллективных действий. Люди участвовали в спасательных операциях и оказывали благотворительную помощь *независимо* от их социального статуса, места жительства, принадлежности к формальным организациям. Многие из “новичков-активистов” оказались активными пользователями Интернета: блогеры, участники различных виртуальных сообществ, обладатели аккаунтов в социальных сетях. Произошло очевидное расширение традиционного состава активистов, добровольцев и благотворителей. В период пожаров выделились две большие группы неравнодушных – те, кто участвовали непосредственно в тушении пожаров и ликвидации их последствий, и те, кто были готовы оказать опосредованную помощь (распространение информации, сбор денежных и вещевых пожертвований, координация действий).

Полемика для индивидуальной мобилизации оказались две площадки: *реальная*, где происходила координация действий местных сообществ для борьбы со стихией и оказания помощи пострадавшим, и *виртуальная*, где объединялись добровольцы со всей страны. Например, спасая от пожара Керженский заповедник в Нижегородской области, его сотрудники использовали исключительно мобильную связь, так как они должны были постоянно перемещаться, следуя за обновляемой картой пожаров.

Индивидуальная мобилизация была проявлением именно гражданской активности людей. Хотя у них, естественно, имелись и другие мотивы, например наработка авторитета, социального капитала и даже азарт, ибо для некоторых “бойцов” добровольческих команд участие в тушении пожаров стало своего рода аналогом экстремального туризма. Активистов также стимулировали к действию неудачные попытки властей справиться со стихией и ее последствиями на местах, замалчивание масштабов катастрофы. В принципе, “реакция любой системы на катастрофу определяется несколькими параметрами: способностью системы предвидеть катастрофу, способностью быстро на нее реагировать и способностью делегировать свои собственные полномочия другим системам, если не справляешься сам” [Латынина, 2011]. Гражданские активисты оказались очень изобретательными, смелыми, открытыми к новациям и, по сути, возглавили противопожарную кампанию и сбор гуманитарной помощи. Их методы и формы деятельности зачастую были более эффективными, чем у государственных структур. Тем не менее государственные и гражданские акторы в определенный момент стали объединяться для достижения общей цели, однако лишь в узком спектре форм помощи и только по унифицированным инструкциям.

Основную роль в организации помощи пострадавшим и координации деятельности групп, тушивших пожары, сыграли виртуальные сетевые неформальные сообщества, которые за период пожаров приобрели корпоративные черты – свои кодекс, правила и нормы. В первую очередь речь идет о блогосфере, продемонстрировавшей высокий мобилизационный потенциал. Лидерами добровольческих групп, как правило, становились владельцы личных блогов и сайтов или модераторы сообществ и форумов. Такие виртуальные площадки выполняли несколько функций:

- *социальную* – объединяя людей в группы помощи, проводившие сбор вещей и медикаментов для пострадавших и оказывающие иную помощь;
- *психологическую и информационную* – позволяли людям найти друг друга, узнать о состоянии своих родных и близких, организовать профессиональную психологическую поддержку пострадавшим;
- *ресурсную* – сбор и доставка гуманитарной помощи пострадавшим;
- *логистическую* – соединение центров сбора гуманитарной помощи с точками, где в этой помощи нуждались.

В условиях критической ситуации активизировалось блогерское сообщество (возникли *ad hoc* сообщества в Живом Журнале, различных социальных сетях и т.д.), работали специализированные сайты и форумы, координируя деятельность добровольцев. Среди блогеров, администраторов сайтов, в том числе местных, и модераторов форумов *выделились лидеры*, принявшие на себя функции координаторов и информаторов, – иногда добровольно, иногда – вынужденно (люди стали обращаться к ним с вопросами, чем и где они могут помочь). Как сказал лидер крупной нижегородской общественной организации “Дронт”: “Сетевые технологии сыграли громадную роль, и это тот инструмент, который реально... в ближайшие годы будет основным в самоорганизации (экологического. – О.У.) сообщества”.

Основным инструментом мобилизации в обоих случаях оказались ИКТ. Именно их использование обеспечило массовую мобилизацию, скорость и эффективность координации деятельности большого числа людей, адресность оказания помощи; факторы мобилизации в обоих случаях были экологические, а решающая роль принадлежала сетевым лидерам. Различия же состоят в том, что в первом случае мобилизующими акторами были НКО, а во втором – отдельные индивиды, многие из которых до этого не имели опыта лидерства. НКО в большинстве случаев использовали уже имеющиеся контакты, тогда как сети индивидов формировались в виртуальном пространстве впервые. Также есть различия в функциях данных сетей. Основными функциями индивидуальных сетей в период летних пожаров были, по моему мнению, логистическая и ресурсная, то есть связанные с координацией деятельности, сбором и распределе-

нием необходимых ресурсов, оказанием помощи пострадавшим, в то время как для организационных сетей ключевым было информирование и максимальное облегчение традиционных форм протеста (сбор подписей, организация митингов).

СГМ и рост социального потенциала граждан

Исходя из сказанного, можно сделать несколько выводов о роли и значении СГМ. Во-первых, она все чаще происходит с использованием ИКТ, которое влияет на структуру гражданских сетей, ускоряет коммуникацию между их членами, вовлекает в нее большее количество людей, расширяет охват территории, на которой осуществляется мобилизация добровольцев и ресурсов, облегчает традиционные формы протеста и делает более успешным процесс координации действий сформированных внутри сети сообществ. Во-вторых, структура гражданских сетей гибка и при необходимости трансформируется из горизонтальной в иерархическую, что позволяет произвести быструю и массовую мобилизацию. В-третьих, гражданские сети более открыты, прозрачны и быстрее реагируют на внешние вызовы, чем государственные службы. В-четвертых, в гражданских сетях аккумулируется социальный капитал индивидов, инициативных групп и социальных движений – необходимый ресурс гражданского общества, который в будущем сможет использоваться для более эффективной и быстрой мобилизации, повышении индивидуальных возможностей индивидов и их групп, облегчении доступа к необходимым ресурсам и т.д. В-пятых, ключевыми фигурами (узлами) сети становятся лидеры инициативных групп и организаций, выполняющие функцию их интеграции. В-шестых, в 2010 г. намечилось расширение традиционного состава активистов, которые действовали прежде всего на альтруистической основе, вне зависимости от их социального статуса, места жительства и принадлежности к формальным организациям. Произошло превращение значительной части населения из “обывателей” в активистов. Рост социального потенциала граждан, охваченных сетью, очевиден.

Делая выводы относительно двух описанных случаев гражданской мобилизации, следует отметить, что вопрос о дальнейшем развитии сформированных в 2010 г. гражданских сетей остается открытым. Часть СГМ скорее всего сохранится, поскольку она детерминируется частными интересами отдельных групп местного населения. В то же время, есть вероятность “сжатия” другой части сети с сохранением ее потенциала до момента возникновения необходимости мобилизации. Так, организационная мобилизация в защиту озера Байкал не привела к значимым результатам: БЦБК продолжает свою работу, но все же эта ситуация сплотила множество общественных организаций, чье взаимодействие основывается на чувстве солидарности. О данной проблеме также стали чаще упоминать в СМИ.

Что касается индивидуальных сетей, то инициативные группы, объединявшиеся для борьбы с лесными пожарами, продолжали функционировать и летом 2011 г., создавая отряды добровольных пожарных на территориях природных заповедников. Иные виртуальные сообщества, созданные в период пожаротушения, в настоящее время расширили свой фокус, став сообществами экстренного реагирования. Всплеск активности летом 2012 г. был вызван новой природной катастрофой – наводнением в Крымске. Здесь мы наблюдали действенную помощь добровольцев и в сборе помощи для пострадавших, и в непосредственном участии в работах по преодолению последствий стихийного бедствия. Лидеры сетевой мобилизации прошлых лет остались узлами гражданских сетей, наращивая вокруг себя добровольцев, координируя их действия и иницируя новые кампании по защите природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверкиев И., Бедерсон В., Першакова Е. Люди на пожарах. Общественное участие в борьбе с пожарами и их последствиями летом 2010 года // Пермская гражданская палата. 2010, декабрь (<http://www.pgpalata.ru/actual/0023>).

- Аузан А.А. Россия как реальность. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3.
- Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.–М., 2005.
- Гладарев Б.С. Новые коммуникационные технологии: игры контроля // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 1.
- Говард Р. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
- Градосельская Г. Сетевые измерения в социологии. М., 2004.
- Заключение Общественной комиссии по расследованию причин природных пожаров в России в 2010 году (http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2010/09/14).
- Иванов Д. Виртуализация общества. СПб., 2000.
- Латынина Ю. Код доступа с Юлией Латыниной. Авторская программа. 01.01.2011 (<http://www.echo.msk.ru/programs/code/738478-echo.phtml>).
- Мардарь И. Виртуальное пространство гражданского общества // Досье на цензуру. 2008. № 29.
- Усачёва О. Общественные движения и информационные технологии в Западной Европе // Человек и природа: “вызов” и “ответ”. Вып. XXXII. М., 2008.
- Чукевич М. Что такое сетевая организация? М., 1999.
- Яницкий О. Россия: экологический вызов (общественное движение, наука, политика). Новосибирск, 2002.
- Яницкий О. Социальный капитал российского экологического движения // Социологический журнал. 2009. № 4.
- Яницкий О. Мобилизационная структура гражданского общества. М., 2010 (<http://www.isras.ru/publ.html?id=1924>).
- Яницкий О. Пожары 2010 г. в России: экосоциологический анализ // Социологические исследования. 2011. № 3.
- Baldassarri D., Diani M. The Integrative Power of Civic Networks // American Journal of Sociology. 2007. № 3.
- Bison I., Diani M. Organizations, Coalitions, and Movements // Theory and Society. 2004. № 33.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Malden, 2000.
- Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. № 1.
- Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. № 78.
- Marin B., Mayntz R. Policy Network: Empirical Evidence and theoretical Considerations. Frankfurt a. M., 1991.
- Olesen T. Transnational Publics: New Space of Social Movement Activism and the Problem of Global Long-Sightedness // Current Sociology. 2005. Vol. 53.
- Roose J. The New Broadband – This Time it’s Personal. European Union: the Next 50 Years // Financial Times Business. March 2007.
- Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action. Oxford, 2003.
- Usacheva O. Social Movements and the Information and Communication Technologies in Western Europe and Russia // Modernization in Russia: Challenges to Research and Education. Moscow, 2008.
- Van de Donk W., Loader B.D., Nixon P.G., Rucht D. Introduction: Social Movements and ICTs // Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements. London, 2004.
- Wellman B., Salaff J. Computer Networks as Social Networks: Collaborative Work, Telework and Virtual Community // Annual Review of Sociology. 1996. № 22.